

Феноменология терроризма в национально-историческом контексте

Рассматривается история возникновения современной террористической деятельности, процесс трансформации террора в терроризм в контексте российского революционно-демократического сопротивления абсолютной власти самодержавного правления. Феноменологический подход позволяет анализировать личностный и социокультурный масштабы искомого явления. Практическое значение связано с обоснованием утраты современным терроризмом исторической целесообразности по причине разрыва средств и цели действия, а следовательно, и мировоззренческой актуальности.

Ключевые слова: *террор, терроризм, история, действительность, трансформация, феномен.*

Цель статьи – рассмотрение становления и развития террористической деятельности в России, отношения к ней в обществе в определенные исторические периоды. Нас в первую очередь интересует позиция основной массы населения. Отношение политического руководства и правоохранительных органов к проявлениям терроризма формализованы в документах.

В изданном Антитеррористическим центром государств – участников СНГ «Словаре основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма» терроризм определяется как «метод политической борьбы, заключающийся в массовом и целенаправленном осуществлении акций по устрашению и подавлению политических и иных противников, включая их физическое уничтожение. Сопровождается массивным идейно-пропагандистским морально-психологическим воздействием» [1, с. 49].

Характеристика современного терроризма позволяет причислить его к неадекватным феноменам политической реальности, стремящимся иметь идеологическое обоснование. С утратой социально-политической актуальности терроризм лишился разумности, выродилось и его социокультурное содержание. Но само явление продолжает оказывать влияние на общественную жизнь и представляет интерес для философии. Из последних публикаций, посвященных исследованию терроризма, выделим работу Н.Б. Шулевского. Ее автор справедливо пишет, что «терроризм – это, прежде всего, философская проблема. И именно философия является единственной силой, стоящей на пути терроризма» [2, с. 11]. Нас не устраивает императивное заключение, абсолютизирующее роль философии, так как терроризм ХХI в. существенно отличается от начал террористической деятельности, когда философия была его действительной базой в рамках революционно-демократической идеологии.

Статья конкретизирует диалектический подход исторического исследования терроризма некоторыми идеями феноменологии Э. Гуссерля. Феноменологический анализ открывает широкие методологические, гносеологические, онтологические, этические, эстетические, социоантропологические возможности изучения и реконструкции реальности явления. Своеобразие позиций Э. Гуссерля – в необходимости возврата, в конце концов, к феноменам сознания и их анализу [3]. Феноменология сосредотачивает внимание философа на чистых данных сознания, свободных от метафизических теорий или научных предпосылок. В качестве способа мышления терроризм – явление конкретного практического опыта,

террористами не рождаются. На пути к признанию террора стоит сознание, поэтому феноменологическое исследование терроризма, бесспорно, продуктивно в контексте комплексного исследования данного явления.

Рассмотрение терроризма с привлечением феноменологии позволяет:

во-первых, лучше понять его как специфическое отражение в сознании фундаментальных процессов, позиционировать как одну из форм выражения политической борьбы в потоке жизненного опыта личности и социальных групп;

во-вторых, раскрыть историю осознания террора, ее пространственно-временную локализацию и эволюцию идеи террора в доктрину терроризма;

в-третьих, представить практическую эффективность террора, сравнив с воздействием иных форм политической борьбы [4, с. 4].

Комплексный анализ феномена терроризма значим также для сопоставления современных террористических взглядов и действий с террористической деятельностью основоположников идеи социальной необходимости террора.

Имея вполне конкретные собственные политические цели, идеологи террора рассчитывали и на сочувствующую реакцию массового сознания. В массовом сознании организованный террор воспринимается в сочетании с психологическим переживанием архетипического состояния ужаса, ощущением безосновности бытия – деструкция социальных основ, растворение порядка в хаосе раскрывают бездну, в которой не существует какой-либо точки опоры для личностной устойчивости развития.

Чувство ужаса, переживание неотвратимости надвигающейся катастрофы считается главным эффектом применения террора. Победа, по замыслу террористов, достигается эскалацией чувства объективно неопределенной, диффузной угрозы, ведущей к дезадаптации и дезорганизации объекта террористической деятельности. Характер используемых при этом средств определяется их информационной эффективностью [4, с. 6].

Террор в качестве явления (а не отдельных актов и мыслей) был следствием кризиса политического анархизма 1872–1879 гг. У истоков идеологии анархизма стояли М. Штирнер, П.Ж. Прудон и М.А. Бакунин. Генезис национальных террористических идей в российском антисамодержавном движении носил достаточно самобытный характер, а размах, организация и успешные акции террористической борьбы русских революционеров сделали их образцом для террористов во многих странах земного шара на долгие годы. Так, в Индии в начале XX в. террор называли «русским способом».

Самодержавная власть в самой России оказалась не готова эффективно противодействовать террору. Деятельность создаваемых с чистого листа отделов и комиссий была явно недостаточной. Террор стал значительной частью российской истории с последней трети XIX в. и по сегодняшний день, выражаясь в разной форме реальности [5, с. 291].

Весной 1862 г. Петр Зайчневский, находясь в камере Тверской полицейской части, составил прокламацию «Молодая Россия», в которой террор впервые в России открыто признавался средством достижения социальных и политических преобразований. Большинство лидеров революционной демократии отмежевались от П. Зайчневского, но в молодежной революционной среде идеи, изложенные в «Молодой России», получили свой позитивный отклик. Четвертого апреля 1866 г. выстрел Каракозова положил начало практической реальности революционного террора в России. Б.П. Козьмин, исследователь протестного движения

шестидесятых – семидесятых годов XIX столетия, сообщает: «Каракозов и его покушение — обычная тема для разговоров в среде революционной молодежи того времени...» [6, с. 380].

К концу 1870-х гг. террор в качестве крайнего средства насилия и устрашения по отношению к представителям власти официально становится средством революционного движения в стране.

Провал двух «хождений в народ», осознание неготовности народного восстания раскололи народников. Часть из них во главе с П.Л. Лавровым приняла решение продолжать пропагандистскую работу, изменив ее формы и средства, другая часть (М.А. Бакунин, П.Н. Ткачев, С.Г. Нечаев) пришла к выводу о необходимости сначала «раскачать» абсолютизм, ослабить власть, посеять страх во власти, чтобы народ почувствовал реальную возможность победы. В 1879 г. в результате раскола «Земли и воли» образовалась партия «Народная воля», оформившая политически организацию революционного террора.

Задачами революционного террора народовольцы считали дезорганизацию правительства и побуждение народных масс к решительным действиям. В первую очередь исполнительный комитет «Народной воли» вынес смертный приговор Александру II. Далее список приговоренных расширялся, в него включались новые фамилии из числа высших должностных и влиятельных фигур государства.

Следует отметить, что на первом этапе объектами террора являлись конкретные лица, применение насилия осуществлялось исключительно против представителей власти, террористическая деятельность имела строго определенную политическую цель – создать условия революционного движения. Террор не занимал главного места ни в программе партии, ни в ее практической деятельности. При общей численности «Народной воли» около 500 чел., террор проводили в жизнь только члены и ближайшие агенты исполнительного комитета партии. Мы не склонны придерживаться распространенного среди историков мнения, что политический терроризм родился вместе с «Народной волей». *Исходя из истории протестного движения в России, нет достаточных оснований отождествлять террор с терроризмом.* Изначально речь шла о терактах как крайнем и временном аргументе революционной борьбы. Идея использовать террористические формы действия имела производное, подсобное значение. В них видели нечто подобное запалу к массовым революционным выступлениям народа.

Первые сторонники терактов сделали свой выбор, поскольку считали невозможной агитационную и организационную работу в рамках существовавшего политического режима. Веру народников в способность своими террористическими действиями вызвать революцию наглядно демонстрирует предъявленный 10 марта 1881 г. новому императору Александру III ультиматум: «Или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны <...> во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к Вашему Величеству с советом избрать второй путь» [7, с. 170–174].

Насколько успешно выполнялись задачи раннего революционного террора в ослаблении позиций самодержавия, можно установить, изучив отношение к

террору в российском обществе. Различные источники позволяют составить представление о том, какими были и чего добились российские террористы XIX в., а также взглянуть на явление террора глазами современников.

Образ террориста в Российской империи не ассоциировался в массовом общественном сознании с образом героического борца за свободу. Субкультура, складывавшаяся вокруг террора, подтверждает, что террористы служили образцом для подражания лишь в достаточно узком кругу активных сторонников революции. Террористическая деятельность революционеров вызвала определенный интерес в обществе, но большинство населения осталось равнодушным. Террор не встретил ни всеобщего осуждения, ни особой поддержки в массах. В частности, крестьянство абсолютно безучастно реагировало на новые проявления борьбы, не видя в терроре ближайшей ощутимой выгоды для себя.

Отношение «среднего класса» и «высшего общества» к террористической деятельности ярко характеризует вынесенный судом присяжных оправдательный приговор в 1878 г. Вере Засулич, совершившей покушение на петербургского чиновника Ф.Ф. Трепова. Судебное оправдание явилось неожиданным для российского правительства и косвенно поспособствовало популяризации террористических идей среди активной части студенческой молодежи. Понимая угрозу устоям самодержавия в набирающем силу протестном движении, власть сделала соответствующие выводы, и дальнейшие приговоры в отношении террористов выносились только военными судами.

Начало террора в России характеризовалось исключительно точечной направленностью и сводилось к физическому устранению государственных деятелей, а также лиц, осуществлявших организацию военно-политического насилия. Проявление террора было на уровне единичного взаимодействия политических оппонентов и государства. *Террор перерос в терроризм, когда превратился в самостоятельное движение со своей специфической идеологией.* Религиозная природа терроризма и его интернационализация были еще впереди.

Историзм отечественного терроризма четко просматривается во времени. До конца XIX в. террор действительно носил вспомогательный политический и социокультурный характер, был объективно обусловленной формой противодействия реакционной форме тотального этатизма. Это позволяет рассматривать первые проявления российского феномена террористической деятельности как совокупность конкретных актов политической борьбы в рамках эволюции революционно-демократической идеологии или как «введение в терроризм», «предтерроризм».

В последние десятилетия XIX в. проходило становление практики отечественного террора. Широко распространенный в новейшей истории политический терроризм в России сформировался позже – в начале XX в. и связан с нарастающими кризисными явлениями в период 1905–1917 гг.

Однако истоки активизации и перерождения террора в терроризм следует искать не только в обострении социально-политического и экономического кризиса, охватившего Российскую империю в указанный период, но и в кризисе революционно-демократической идеологии. Развитие капитализма сформировало промышленный пролетариат, и он стал реальной исторической силой, способной к социальной революции. Революционная мысль перерождалась в социал-демократическую идеологию, что далеко не все современники поняли вовремя.

В условиях кризиса и агрессивной антидемократической политики государства крайнее крыло революционного сопротивления прибегло к тактике, ранее опробованной народовольцами, — к индивидуальному террору. Эсеровские боевики XX в. опирались на абсолютизацию экстремистских форм политического насилия. Терроризм в этот раз явился необычайно масштабным явлением, неизбежно затрагивал самые разные слои общества. *Завершалось перерождение революционного террора в политический; террор терял социальную базу, вырождались его демократическая составляющая. Террор с необходимостью трансформировался в терроризм.*

В XX в. терроризм серьезно изменился и в теории, и на практике, чему в значительной мере поспособствовали российские анархисты. Именно анархисты ответственны за наибольшее число политических убийств и экспроприаций в годы Первой русской революции. В поддержку терроризма высказывались практически все анархистские группы, но ни одна из них не создала полноценной террористической идеологии и не объяснила, каким образом действия боевиков должны привести к свержению существующего социально-политического строя и установлению анархистского идеала безгосударственности.

Анархисты опустили планку выбора жертв, атаковали не царских сановников, а в основном солдат, полицейских и казаков, грабили лавочников и фабрикантов, их случайными жертвами часто становились невинные люди. Существенно изменилась социальная база анархизма. Анархисты принимали в свои ряды бывших уголовников, зачастую руководствовались жаждой мести или наживы, за что подвергались критике со стороны других революционеров. Своими идеями и действиями анархисты способствовали разложению терроризма, превращению его в квазиполитическое явление, вступающее в криминал. Когда остальные партии отrekliсь от «боевых предприятий», именно анархисты стали лицом террора, исповедуя идеологию «террористической войны на уничтожение» [8, с. 16].

Интересно проследить динамику изменения отношения к терроризму народных масс. О.В. Будницкий проводит прямую связь между динамикой развития террора и изменением общественных настроений. Первоначально обыватель нередко симпатизировал террористам. Часть публики позитивно усваивала образы, связанные с проявлением террора, они входили в состав «здорового смысла». Политическое насилие становилось предметом для шуток и досуговых разговоров, бытовым явлением. Террор до определенного этапа эволюции не противоречил запросам различных слоев общества, не воспринимался ими угрозой своему образу жизни, не считался чем-то исключительным [9, с. 8]. Интеллигенция, рабочие и даже крестьяне изначально даже поддерживали террористов, отдельные капиталисты нелегально спонсировали боевиков, оказывали им моральную поддержку.

Однако число жертв террора постоянно возрастало, теракты перестали поражать своей необычностью. Случайные жертвы среди простого народа при очередном взрыве начинали вызывать в обществе страх. Страх появился не только у зажиточной прослойки общества, он опускался ниже, входил в повседневную жизнь мелких торговцев, ремесленников. Слабела моральная и финансовая поддержка террористов. Террор вырождался как социальный феномен.

Политический террор, изначально задуманный революционерами в качестве предшества народному выступлению, трансформируется в терроризм, приобретает все более выраженный уголовный вид. Абсолютизируя значение средств и форм сопротивления, терроризм разрывает зависимость их от конечных целей борьбы, становится откровенно деструктивным явлением. Революционное понимание террора как инструмента расшатывания власти, единственно возможного в то время, подменяется стремлением уничтожить государственную власть. Приверженцев террора начала XX в. (анархистов, части либералов и кадетов) можно рассматривать в качестве непосредственных предшественников современного терроризма.

Окончанием революционного терроризма следует считать акции эсеров и анархистов, совершенные в 1918–1919 гг. после разрыва с большевиками: убийство эсерами комиссара по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарского (28 июня 1918 г.), покушение эсерки Ф.Е. Каплан на Ленина (30 августа 1918 г.), взрыв в здании Московского комитета РКП(б), осуществленный анархистами 25 сентября 1919 г.

С победой большевиков террор продолжился на этот раз в отношении представителей новой власти, что вынудило диктатуру пролетариата организовать меры подавления террористических центров. На террор эсеров и анархистов большевики отвечают антитеррором. *С демократизацией общества терроризм перестает восприниматься как форма политической борьбы, оценивается как общественно опасное криминальное явление.*

Современное террористическое насилие обезличено. Это один из существенных признаков современного терроризма как социального явления. Объекты воздействия террористических актов не имеют никакого отношения к цели. Насилие применяется к неопределенному кругу лиц («ни в чем не повинных людей»). Цель, как правило, не имеет прямой связи с идеей террора. Терроризм предельно сузил социальную базу, утратил самостоятельность движения, стал оружием внешних по отношению к нему субъектов [4, с. 9].

Косвенным признаком продолжающегося перехода терроризма в регрессирующую форму насилия является качественная деградация непосредственных исполнителей террористических актов: от политически активных студентов-революционеров, образованной части молодежи к неграмотным, религиозно одурманенным шахидам. Использование женщин в качестве последних, идущих на смерть ради «попадания в рай», также является знаковым. Как и в любой другой сфере общественной деятельности, перелив мужчин из террористической деятельности в другие сферы занятости является признаком снижения сравнительной эффективности террористической деятельности и более высокой перспективности иных форм политической борьбы [4, с. 9]. Так, анализ статистики открытых источников информации (национальный портал противодействия терроризму antiterror.ru, отчеты национального антитеррористического комитета) показывает уменьшение в России количества проведенных терактов с использованием мужчин-смертников от трех человек в 2000 г. до полного отсутствия в 2013 г. и, наоборот, возрастание числа женщин-смертниц с одной в 2000 г. до четырех в 2013 г.

Тенденции в динамике терроризма служат основанием для оптимистического прогноза в отношении долгосрочной перспективы снижения роли террора в

политической деятельности. Но наметившаяся в долгосрочной перспективе тенденция снижения политической эффективности терроризма требует содействия, которое может быть реализовано: а) рутинизацией текущей практики противодействия террористической деятельности, б) урегулированием проблем в рамках иных форм политических взаимодействий. Террор должен оказываться все менее и менее политически продуктивным [4, с. 9–10].

Библиографический список

1. Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма / Под общ. ред. В.Е. Петрищева. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 66 с.
2. Шулевский Н.Б. Метафизика России и терроризм. М.: ТЕИС, 2004. 720 с.
3. Феноменология // Новая философская энциклопедия в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 4.
4. Бахтин С.И., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Террор – антитеррор: сибирское измерение. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. 204 с.
5. Виногоров Д. В. Истоки российского терроризма XIX – начала XX века: первые методы противодействия // Пробелы в российском законодательстве: Юридический журнал. М.: Индекс Медиа, 2010. № 4. С. 291–293 с.
6. Козьмин Б.П. Литература и история. М.: Худ. лит., 1982. 512 с.
7. Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сборник документов и материалов в двух томах / Под ред. С.С. Волк. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 2. 995 с.
8. Баранов А.С. Революционный терроризм как феномен русской культуры конца XIX – начала XX века: Дис. ... канд. культурологии. М., 2000. 180 с.
9. Носков М.А. Российский терроризм начала XX века в общественном восприятии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 24 с.

Kochnev E.A., Mishin Yu.D. Phenomenology of Terrorism in the National-historical Context. The history of modern terrorist activity and the process of transformation of terror in terrorism in the context of Russian revolutionary-democratic resistance of absolute power of autocratic rule are discussed. The phenomenological approach allows to analyze the individual, social and cultural scopes of the desired effects. Practical value relates to the justification of loss of contemporary terrorism of historical expediency after the schism of funds and the purpose of the action, and hence the ideological relevance.

Key words: *terror, terrorism, history, reality, transformation, phenomenon.*

Кочнев Евгений Анатольевич – старший преподаватель Института ФСБ России (Новосибирск). Область научных интересов: социальная философия, юриспруденция. E-mail: kochnev10@ngs.ru

Мишин Юрий Дмитриевич – кандидат философских наук, профессор, завкафедрой «Философия и культурология» СГУПСа. Область научных интересов: социальная философия, история и философия науки и техники. E-mail: filos@stu.ru